

В. В. ВИНОГРАДОВ и Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

**О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ**

1

Развитие советской науки о языке во многом зависит от правильной и дальновидной организации коллективных и индивидуальных научных изысканий, от предусмотрительного планирования их, от координации исследовательской работы как целых лингвистических учреждений и ассоциаций, так и отдельных крупных языковедов и от концентрации ее на самых основных, самых важных, самых актуальных проблемах современного языкоznания. Ведь не только молодые, начинающие ученые, но и умудренные профессиональным опытом мастера лингвистической науки нередко уделяют много времени и труда изучению заинтересовавших их частных, иногда очень мелких вопросов без ясного понимания перспективы последующих обобщений, без отчетливого представления о проекте того здания, для которого они производят или собирают «кирпичи», «кирпичики» или другие материалы. Мелкость и дробность тем, рассеянность научных интересов тормозят движение науки, препятствуют подъему ее на новые высоты, с которых ясно видны пути и направления ее дальнейшего развития.

Вот почему Отделение литературы и языка Академии наук СССР признало целесообразным сосредоточить в ближайшую пятилетку силы советских филологов на изучении восьми центральных проблем. Из них четыре относятся к области литературоведения:

- 1) Основные этапы развития реализма в мировой литературе;
- 2) О генезисе, становлении и развитии метода социалистического реализма (в русской советской литературе, в современных литературах народов Советского Союза, в литературах стран народной демократии, а также в передовых литературных направлениях капиталистических стран);

3) Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур;

- 4) Закономерности развития художественных литератур отдельных народов — в связи с конкретно историческими своеобразиями жизни этих народов.

Четыре проблемы относятся к области языкоznания:

- 1) Основные вопросы семиcиологии и лексикологии (в связи с лексикографией);
- 2) Закономерности развития общенародного языка и диалектов в периоды народностей и наций;
- 3) Важнейшие проблемы образования и развития литературных языков и
- 4) Задачи сравнительно-исторического изучения разных семей и групп языков.

Исследование таких проблем литературоведения, как проблема реализма, проблема специфических закономерностей развития литератур отдельных народов, проблема взаимосвязей и взаимодействий национальных литератур, требует широкого участия в их разработке и языковедов. В самом деле, изучение развития разных форм и типов художественного реализма в той или иной национальной литературе невозможно в отрыве от исследований по истории соответствующего литературного языка как «первоэлемента» литературы, а также от исследований взаимодействия и взаимовлияния литературного языка и «языка» художественной литературы. Любопытно, что, например, процесс образования русского национального литературного языка и становления его норм сопровождался в области художественной литературы углублением и расширением элементов реалистичности и оформлением самого метода художественного реализма, прежде всего в творчестве А. С. Пушкина.

Само собой разумеется, что изучение общих и специфических закономерностей развития литератур отдельных народов, а также взаимодействий разных национальных литератур предполагает параллельные или предварительные глубокие исследования по истории соответствующих литературных языков, по истории их связей с другими языками, а также по вопросу о соотношении систем разных языков.

Таким образом, исследования, посвященные проблемам образования и развития литературных языков, имеют огромное значение для современного литературоведения. Но изучение литературных языков представляет и самостоятельный — и притом не менее глубокий — лингвистический интерес. Об этом так писал в своем «методологическом очерке» под заглавием «Об изучении литературных языков» еще в 1914 г. рано умерший казанский языковед А. Н. Боголюбов, характеризуя типичный для младограмматической теории упадок интереса к исследованию литературных языков: «Разрыв с филологией естественно должен был повести к временному пренебрежению литературными языками, которые являются промежуточною областью между филологией и сравнительно-историческим языкознанием... Литературные языки как языки пишемые и читаемые, а не говоримые и слышимые отодвинулись далеко на задний план. Правда, документальные показания письменных памятников продолжают привлекаться для подтверждения и для хронологической фиксации фонетических и грамматических изменений, констатированных сравнительным языкознанием, но изучение истории самих литературных, писанных, языков предоставляется собственно историкам литературы. А эти последние, вполне естественно, если делают экскурсы в область языка, то изучают его главным образом со стороны стилистической и притом стараются выяснить не столько особенности грамматического стиля данного литературного языка в такое-то время, сколько особенности индивидуальных стилей известных писателей. А этот вопрос уже выходит за пределы лингвистики; в сущности он сводится к тому, как такой-то писатель сумел воспользоваться современным ему литературным языком для создания своих художественных произведений»¹. Между тем, по словам А. Н. Боголюбова, предмет изучения лингвиста — «язык, прежде всего, как коллективное явление... Язык литературный, письменный, представляет нечто своеобразное сравнительно с языком долитературным, разговорным. То обстоятельство, что он служит органом изящной литературы, конечно, не является существенным: ведь и долитературный язык служил органом художественной, если и не литературы, то словесности...; по крайней мере в настоящее время языки „литературные“ суть в то же время и государственные, и цер-

¹ А. Н. Боголюбов, Об изучении литературных языков. Методологический очерк, Казань, 1914, стр. 7—8.

ковные... и обыденные (например, в переписке между образованными людьми), а насколько они влияют на самую речь образованных людей, насколько образованный человек „говорит, как читает и пишет“, это языки всей жизни, всей данной культуры в целом»¹.

*

Вопросы образования и развития литературных языков в настоящее время относятся во всем мире к числу актуальнейших проблем современного языкоизучания. Ведь культурная общность нации, обусловленная социально-историческими условиями ее развития, темпы движения народных масс по пути прогресса во многом зависят от степени возможности или достижимости для широких слоев народа при помощи знания литературного языка и активного владения им приобщиться к сокровищам культуры, науки и технических открытий — к сокровищам, которые запечатлены в произведениях, написанных на соответствующем литературном языке. В сложной, своеобразной и богатой новыми задачами области изучения литературных языков, их истории, процессов их образования и развития много специфических трудностей и много важных задач, решение которых способно продвинуть далеко вперед всю систему современного лингвистического знания.

Прежде всего необходимо подчеркнуть отсутствие ясности и точности в употреблении самого термина «литературный язык». Достаточно сослаться на противоречивые определения этого термина в курсах «Введение в языкоизучение». При употреблении термина «литературный язык» часто не учитываются исторические различия в содержании и объеме этого понятия, обусловленные различиями культурно-общественных функций литературного языка в разные периоды истории народа, а также зависящие от конкретно-исторических своеобразий развития литературных языков в связи с индивидуальными особенностями истории разных народов. И все же литературный язык — не только не подлежащая никакому сомнению языковая реальность, но и своеобразное социально-языковое явление, крайне важное по своему культурно-общественному значению. Изучение этого явления неразрывно связано и с исследованием таких явлений, как общенародный разговорный язык и его областные диалекты, с одной стороны, «письменный язык» в его отношении к литературному языку в собственном смысле, с другой, затем «речевые стили», «стили языка» и «стили художественной литературы» и, наконец, жаргоны и арго.

Только глубокие исследования отдельных литературных языков и последовательные обобщения на основе таких конкретно-исторических изучений могут привести к всесторонним ответам на вопрос об общих и специфических закономерностях развития литературных языков. При изучении таких закономерностей особенное значение приобретают исследования языков тех народов, история которых — и притом как народов с давней письменностью и высокой литературно-языковой культурой — пачинается с глубокой древности и без перерывов продолжается до наших дней. Таковы языки некоторых народов Индии и китайский язык; за ними следуют языки греческий, иранские, арабский, армянский, грузинский; далее — языки относительно «молодых» народов, историческая жизнь которых ярко проявилась лишь в средние века: это — письменные языки народов романских, германских, славянских, тюркских, монгольских; языки — тибетский, аинамский, некоторые из малайских, корейский, японский.

¹ Там же, стр. 8—9.

В развитии литературного языка не могут не отразиться исторические изменения в структуре и социальной сущности самой категории народа — от племен к народности и от народности к нации. Разговорный язык народа часто бывает очень далек от письменно-литературного языка. В этот период, особенно на ранних ступенях существования народности, литературный язык обычно не отражает с необходимой полнотой и широтой общий язык того народа, кому принадлежит письменность, литература.

В период развития языка народности, тем более в начальные этапы становления народности, в тех или иных областях письменно-речевого общения может функционировать «чужой» язык (ср. латинский — в Западной Европе, старославянский — у восточных славян, арабский — в многоязычном халифате и т. п.). Разграничение сфер «чужого» и своего языка может идти по линии как литературных жанров, так и функциональных сфер общения. Так, в романских странах в качестве административного языка, языка деловых грамот, служил латинский язык: до XII в. включительно не существует деловой переписки на народном языке; в сфере поэзии на Пиренейском полуострове употреблялся галисийский; широко распространен был в качестве языка поэзии провансальский язык, на нем писали стихи некоторые итальянские поэты, им прекрасно владели каталонские трубадуры. По отношению к донациональной эпохе развития литературного языка выступает, с одной стороны, проблема «литературных диалектов», или «областных вариантов литературного языка» (как, например, в истории немецкого и итальянского языков, в ранней истории испанского языка, в истории сербо-хорватского языка до XIX в. и т. п.), а с другой — проблема функциональной и жанровой дифференциации сфер действия разных литературных языков в системе культуры одного и того же народа (например, в истории русского языка, в истории чешского и польского языков, в истории романских языков, в истории японского и корейского языков и т. д.).

Таким образом, в исторических объяснениях нуждается как самый факт использования «чужого» языка в функции литературного языка народа, так и степень общественной значимости этого языка. Ведь «чужой» литературный язык может быть по отношению к своему, родному языку языком другой системы (например, китайский для японцев и корейцев), языком той же системы (например, латинский для языков германских), языком — исторической основой (например, латинский для романских, санскрит — для некоторых индийских языков) и т. д. Возникают вопросы: о типах возможных отношений этого «чужого» языка с родным языком народа, о влиянии этого «чужого» языка на свой, об областях и границах такого влияния, об исторических условиях замены «чужого» языка своим, родным.

Вопрос об историческом использовании «чужого», хотя бы и близко родственного языка в роли языка литературного связан с проблемой различий в общественных функциях, сферах применения и степени «народности» литературного языка в разные периоды истории народа, между прочим, в культуре народа и в национальной культуре.

Иногда в роли письменно-литературных языков, обслуживающих народ в донациональную эпоху, выступали языки завоевателей. Например, захватыванием обязано распространение или закрепление в качестве литературных языков — арабского для целого ряда разноязычных народов (VII—VIII вв. н. э.), нормандского в Англии (XI в.), турецкого в Малой Азии (XIII в.), персидского в северной Индии (XVI в.). Вопрос о взаимоотношении языка победителей и языка побежденных очень важен в истории английского языка. Ведь на территории Англии существовала очень богатая рыцарская литература на англо-нормандском (т. е. французском)

языке («Гристан» Томаса, лэ Марии Французской и мн. др.). Вопрос о функционировании языка победителей в роли литературного языка в разной форме возникал для немецкого языка в Прибалтике и Чехии, польского в Литве и т. п. Становление нового письменного языка в таких случаях сопровождается насильственным вытеснением, ликвидацией старых, ранее существовавших языков литературы и письменности, применявшихся покоренными народами.

Впрочем период развития народности в истории многих наций бывает настолько сложным и многообразным, что и в его пределах могут происходить резкие изменения как в структуре литературного языка, в его отношениях к народно-областным диалектам, в его стилистической системе, так и в объеме его культурно-общественных функций. Эти процессы связаны, например, с вытеснением «чужого» языка родным из некоторых сфер письменного общения или письменно-деловой практики, с изменением соотношения разных областных вариантов литературного языка или — что чаще бывает — с возобладанием над некоторыми местными разновидностями литературного языка одной нормы, одного культурно-диалектного типа литературного языка на народной основе и т. п.

В период национального развития литературный язык, не составляя обособленной от разговорного общенародного языка системы, совпадая с ним в своей структуре, в то же время характеризуется более или менее выдержаными нормами речевого употребления, а также разнообразием стилей речи. Таким образом, понятие «литературный язык» наполняется разным содержанием и имеет разный объем — применительно к разным периодам истории народа.

Очень существенны для понимания закономерностей развития литературного языка наблюдения над различиями в характере общественной регламентации литературного языка, в строгости, обязательности и универсальности его норм — применительно к разным сторонам его структуры — в разные эпохи его развития.

Несмотря на важность для истории литературного языка изучения различий в общественно-исторических условиях языкового развития в эпоху народности, с одной стороны, и в эпоху становления и расцвета нации, с другой, все же следует осторегаться механического или автоматического переноса исторических схем и исторических границ между разными этапами развития народности и нации в историю литературных языков. Нельзя не видеть и того, что характер отражения исторических процессов формирования и развития народностей и наций в истории общенародного разговорного языка и его диалектов и в истории литературного языка имеет существенные качественные отличия.

Все это говорит о сложности и своеобразии общественно-исторических условий развития литературного языка, о специфике законов этого развития сравнительно с историей общенародного языка, о глубоких — расщепленных и разносторонних — связях истории литературного языка с историей народа, с историей его материальной и духовной культуры. Исследователь истории литературного языка (но «чужого», а сложившегося на народно-диалектной основе), постепенно развившей его систему в тот или иной момент развития, должен определить ее отношение к системе данного общенародного языка в грамматическом, лексическом и фонетическом аспекте и далее следить за исторически изменяющимися формами взаимодействий и взаимоотношений этих систем. Возникает вопрос о соотношении движения общенародного языка в целом с движением литературного языка, о темпах и направленности этих движений; о существе и пределах их расхождений. За этим вопросом, естественно, следует ряд других, с ним тесно связанных: не происходит ли в период национального развития по-

степенное, но непрерывное уменьшение расхождения между литературным и народно-разговорным языками? Какую роль играет художественная литература в этом процессе и т. п.

В истории литературных языков должны быть выделены и очерчены основные периоды их развития, должны быть определены главные пути и направления этого развития. Тем самым значительно приблизится и решение проблемы общих закономерностей истории литературных языков. Среди тех вопросов, исследование которых чрезвычайно существенно для уяснения специфических законов литературно-языкового развития, следует особенно подчеркнуть три: 1) вопрос об исторических взаимодействиях литературного языка и языка художественной литературы; 2) вопрос о «стилях языка» и «стилях речи» в истории литературных языков и 3) вопрос о процессах нормализации в развитии литературного языка, об их социальной сущности, о содержании и объеме понятия литературной нормы в разные периоды истории языка.

В истории развития литературных языков огромную роль играет художественная литература. Применительно к новейшим эпохам истории национальных литературных языков для современных лингвистических исследований типично полное отождествление литературного языка с языком художественных произведений (ср. историю французского языка в изложении Ф. Брюно, «Историю русского литературного языка» проф. А. И. Ефимова и др.). Эта тенденция к смешению и даже слиянию литературного языка с языком художественной литературы мешала и мешает установить закономерности развития отдельных — восточных и европейских — национальных литературных языков в XIX и XX вв., например русского, польского, румынского, французского и т. д. Между тем развитие стилей художественной литературы, очень тесно связанное с развитием литературного языка, имеет свои закономерности и определяется своеобразными, специфическими категориями словесно-художественного искусства.

В истории литературно-словесного искусства народов, между которыми существуют тесные культурно-исторические связи и которые, хотя и разными темпами, проходят более или менее однородный путь социально-исторического движения (конечно, с национально-индивидуальными видоизменениями), наблюдается известная общность тенденций художественного развития. Венгерский романист Л. Гальди в критическом разборе работ А. И. Ефимова по вопросам истории русского литературного языка и языка русской художественной литературы справедливо отметил, что в XVIII в. влияние стихотворной стилистики на язык прозы — явление общеевропейское. Оно наблюдается, например, в русской, французской, итальянской литературах. Проза пишется цветистым «поэтическим» стилем. Предпочтение стиля более трезвого, точного и простого начинается во французской литературе с Вольтера, который сразу же паходит себе блестящего сторонника в немецкой литературе в лице Мессинга. Трудно отрицать воздействие этих тенденций на творчество Карамзина¹.

Известно, что хотя стили художественной литературы и ориентируются на нормы литературного языка, вместе с тем они обнаруживают тенденцию — при соответствующей эстетической мотивировке — отступать от них. В разных жанрах художественной литературы (например, в драматургии, в диалогической речи повести, романа, в разных формах сказа и т. п.) принципы отбора выражений и способы их конструктивных связей

¹ См. L. Gáldi, *Trois études de A. I. Efimov sur la langue littéraire russe*, «Acta linguistica», t. V, fasc. 1—2, Budapest, 1955, стр. 249, примеч. 63.

бывают подчинены задачам речевого построения образов персонажей из разной социальной среды, иногда очень далекой от носителей литературного языка и его норм.

Сложен вопрос о соотношении литературных жанров и стилей литературного языка. В одних исторических условиях стили языка прочно сочетаются и объединяются с теми или иными литературными жанрами; в других условиях в стилевые и композиционные формы литературных жанров включаются самые разнообразные по своему стилистическому характеру и качеству речевые средства, и тогда соотношение между литературными жанрами и стилями языка делается иным — противоречивым и смешанным.

Несмотря на возрастающее стремление построить историю литературного языка, особенно по отношению к новому периоду, на основе изменения и развития его стилей, в этой области пока все еще преобладают субъективные и, следовательно, антиисторические приемы исследования. Кроме того, применение стилистических критерии к разграничению языковых разновидностей при изучении литературного языка древнейшей эпохи очень затруднительно. Неясен вопрос об отличиях древнего литературного языка в собственном смысле от языка стариных письменно-деловых памятников. Критерий «литературности» языка в конкретно-историческом плане недостаточно точно определен. Сравнительного изучения и сопоставления языка стариных деловых текстов с языком художественных произведений той эпохи обычно не производится.

Само собой разумеется, что историческое углубление стилистических исследований литературных языков зависит во многом от теоретической разработки основных понятий и категорий стилистики как лингвистической дисциплины.

Следует выделить центральные, наиболее важные вопросы, на которых необходимо сосредоточить изучение литературных языков в их образовании и развитии. Эти вопросы следующие:

1. Исторические взаимоотношения и взаимодействия письменного языка, литературного языка в собственном смысле, народно-разговорного языка и диалектов в разные периоды истории народов и в разных конкретно-исторических условиях.

2. «Чужие языки» в функции литературных языков. Их влияние на последующие судьбы народно-литературных языков, формирующихся на базе живой речи соответствующего народа (роль санскрита в истории индийских языков; арабского — в истории языков тюркских и иранских; китайского — в истории языков корейского и японского; латинского и старославянского — в истории разных славянских языков и т. п.).

3. Международный характер «старых» литературных языков Востока и Запада.

4. Разграничение понятий «письменный язык» и «литературный язык» в разные периоды истории отдельных народов применительно к истории разных конкретных языков.

5. Исторические взаимодействия литературного языка и «языка» художественной литературы в истории культуры разных народов.

6. История литературного языка и история литературно-словесного искусства народа.

7. Исторические взаимодействия и взаимоотношения разных литературных языков. Сюда примыкают вопросы изучения истории словарного состава разных литературных языков, а также отслоений того или иного «интернационального словарного фонда» в лексике разных литературных языков.

8. Специфика исторических законов развития литературных языков — соотносительно и сравнительно с историческими закономерностями развития соответствующих народно-разговорных языков.

9. Принципы периодизации истории литературного языка.

10. Различия в степени «народности» литературного языка, в объеме и содержании его функций в разные периоды развития народности и нации.

11. Понятия «стилей языка» и «стилей речи» в истории литературного языка.

12. Процессы нормализации в истории литературного языка, их социальная сущность и понятие нормы в разные периоды истории литературного языка.

13. Своеобразия развития литературных языков в условиях социалистического общества.

2

Проблема закономерностей истории языка в эпоху существования народности и ее перехода в нацию, а также в эпоху национального развития возникла в языкоznании вместе с углублением и расширением марксистской исторической науки, марксистско-ленинской науки об обществе. Разработка этой проблемы отсутствовала в нашем отечественном языкоznании досоветского периода.

Развитие языка на разных этапах истории общества (в эпоху существования племен, народностей, наций) представляет собой своеобразный процесс, обусловленный всей историей данного общества — экономической, политической, культурной, специфическими различиями данного общества от других. Следовательно, эта проблема разрешается не одинаково для разных языков. Однако при всей своей сложности и при всем конкретно-историческом своеобразии этот процесс (по отношению к истории разных языков) заключает в себе и общие черты.

Неравномерность и своеобразие развития различных народов создает в некоторых случаях специфические и неодинаковые условия для языкового развития отдельных народностей и наций: ср., например, существование разноязычных народностей в многонациональном феодальном и капиталистическом государстве (например, русское государство XIV—XVII вв., капиталистическая Россия); расчленение народности, развивающейся в нацию с **вхождением отдельных** ее частей в состав разных государств, и своеобразие языкового развития в этом случае (Польша, Украина); существование **отдельных** равноправных народностей с их различными языками в **условиях** многонационального социалистического государства; развитие народности в нацию в многонациональном социалистическом государстве и своеобразия развития языков в **условиях** Советского Союза.

Всеми этими историческими различиями обусловлена и специфика конкретных задач лингвистических исследований на материале разных языков. Наличие или отсутствие письменности в эпоху образования и развития народности, характер этой письменности, разнообразие или бедность ее жанровых и стилевых возможностей, соотношения письменного и общенародного языков, характер и глубина диалектных различий, конкретно-исторические условия самого формирования и развития народности, специфика процесса формирования той или иной нации — все это накладывает свой отпечаток на протекание языковых процессов и выдвигает на первый план постановку то одних, то других вопросов, входящих в общую проблематику исследования истории конкретного языка.

Для эпохи народности важны такие вопросы, как вопрос о формах существования диалектов, об условиях, вызывающих их развитие и дифференциацию, о взаимодействии диалектов в эту эпоху, о характере языка письменности (если письменность существует), о письменном и литературном языке того же периода, о соотношениях разных типов письменного языка с диалектами, о существовании или отсутствии в эту эпоху наддиалектной языковой нормы. Выяснение этих частных вопросов подчинено более общему вопросу о закономерностях развития языков народностей в различных конкретных исторических условиях.

По отношению к некоторым языкам может быть поставлен вопрос о развитии языков народностей более поздней формации («вторичных» народностей), образовавшихся на почве диалектов языка народности более ранней формации («первичных» народностей), например, языков русской (великорусской), украинской и белорусской народностей на основе диалектов языка единой русской народности более древней эпохи.

В некоторых случаях представляет значительные трудности разграничение родоплеменных союзов и народностей ранней формации. Например, в процессе формирования тюркских народностей на известных этапах их развития возникали крупные родоплеменные союзы, которые по степени консолидации были близки к народностям. Из некоторых подобных союзов впоследствии образовалось несколько народностей, у которых развились соответственно свои отдельные родственные языки. Так, например, из огузского союза образовались турецкая, азербайджанская и туркменская народности; из кыпчакской общности — каракалпакская, татарская, башкирская и др. народности, которые развили свои отдельные, хотя и близко родственные языки.

При изучении позднейших эпох существенно исследование следующих вопросов: языковые процессы, характеризующие развитие национального языка, их постепенность и длительность (от эпохи, когда еще только намечаются предпосылки к развитию нации в связи с ликвидацией феодальной раздробленности, с образованием национального рынка, с постепенным развитием капиталистических отношений, до эпохи существования развитого национального языка, обслуживающего капиталистическое общество), изменения, происходящие в функционировании общенародного разговорного языка, в соотношении литературного языка и диалектов, в специфике самого литературного языка в связи с развитием национального языка из языка народности; вопрос о наддиалектной языковой норме; вопрос о диалектной основе национального языка; изменения в звуковой, грамматической и лексической структуре языка; новые тенденции в области нормализации национального литературного языка, оказывающего все более сильное влияние на сферу диалектной речи.

Центральное место в изучении процессов развития общенародных языков в разные исторические эпохи занимает проблема исторических изменений в соотношении общенародного языка и местных диалектов. Сюда относятся следующие вопросы:

Характер единства общенародного языка в разные эпохи, наличие или отсутствие наддиалектной нормы. Возрастающая самостоятельность отдельных диалектов и развитие на их почве самостоятельных языков в определенных исторических условиях. Утрата диалектами своих характерных особенностей и их нивелировка в других исторических условиях.

Характер различий между диалектами разных языков в разные эпохи. Вопрос о том, в какой мере эти различия охватывают разные стороны структуры языка (словарный состав, грамматический строй, фонетическую систему) и насколько они глубоки.

Вопрос о роли процессов языковой дифференциации и интеграции близко родственных диалектов в разные эпохи. Вопрос о времени, когда диалекты становятся категорией пережиточной.

Как известно, в позднейшие эпохи истории языков (начиная с эпохи, когда языки народностей развиваются в национальные языки) постепенно прекращается образование новых резких диалектных различий, хотя существующие диалектные различия, в особенности на ранних этапах развития национального языка, обладают очень значительной устойчивостью. Таким образом, диалекты постепенно становятся категорией пережиточной. Их состояние теперь определяется не внутренними признаками их «систем», а дифференциальными различиями в отношении к общенародному национальному языку. Они постепенно утрачивают свою самобытность, нивелируются, вливаясь в национальный язык.

Утрата диалектами своей самобытности, связанная с расширением территории употребления общих для всего языка черт за счет вымирания особенностей специфически диалектных, заметно меняет сложившуюся в более раннюю эпоху (когда развивались диалектные различия) картину географического размещения соответствующих явлений.

Изучение данных лингвистической географии в их динамике, в связи с данными внутренней истории языковых явлений, в связи с фактами их частичного отражения в языке памятников, с одной стороны, и в связи с историей самого носителя изучаемого языка — народа, с другой, обеспечивает возможность путем последовательного «снятия» результатов позднейших процессов до известной степени воссоздать историю образования данного языка в его диалектах.

Вместе с тем проблема развития языков народностей и наций не относится полностью к сфере исторической диалектологии, а включает в себя, в качестве одного из важнейших компонентов вопрос о письменном, литературном языке, о различиях в общественно-исторических условиях его развития в разные эпохи истории народа.

Разрешение основных задач исторического изучения языков СССР требует широкого исследования первоисточников (современных языков и письменных памятников).

На первый план должны быть выдвинуты следующие три задачи: 1) изучение по определенному, заранее составленному плану диалектов языков народов Советского Союза; 2) издание и исследование письменных источников истории языка; 3) составление исторических и диалектологических словарей.

Изучение диалектов языков народов Советского Союза должно вестись в следующих направлениях:

По языкам, ранее не изучавшимся или мало изучавшимся, необходимо проводить «первоначальное накопление» материала, т. е. составлять полные описания отдельных наиболее отличающихся друг от друга диалектов, чтобы можно было уяснить характер диалектных различий в этих языках в области фонетической системы, грамматического строя, словарного состава. Сюда относятся, например, такие языки, как языки народов Севера, мордовский, чувашский, марийский, бурят-монгольский.

По языкам, уже достаточно изученным, с установленными в основном диалектными различиями, необходимо составление диалектологических программ — теоретического и методического документа, учитывающего уже известные диалектные различия и предназначенногодля систематического сбора материала. Эти программы должны равномерно охватывать всю территорию данного языка; они должны быть построены по принципам лингвистической географии, т. е. служить для составления диалектологических атласов соответствующих языков. Такая работа должна быть

проведена, например, по армянскому, грузинскому, азербайджанскому, узбекскому, казахскому, киргизскому, коми языкам.

Наконец, по языкам, уже имеющим такие программы, следует продолжать собирать материалы и составлять диалектологические атласы. Как известно, в настоящее время уже составляются атласы русского, украинского и белорусского языков, литовского и латышского языков, подготовлены диалектологический атлас карельского языка и атлас болгарских говоров, распространенных на территории СССР. Диалектологический атлас русского языка, состоящий из ряда самостоятельных атласов *отдельных* частей Европейской территории СССР, как известно, частично уже составлен. Наряду с работами в области лингвистической географии, конечный результат которых должен быть зафиксирован в серии лингвистических атласов языков народов Советского Союза, необходимо продолжать дальнейшее монографическое изучение диалектов.

Известно, что развитие науки обеспечивается постоянным развитием ее материальной базы, расширением круга источников, интенсификацией их разработки. Поэтому необходимо ввести в научный обиход новые письменные источники русского языка и других языков с древней традицией письменности. В этом важнейшая предпосылка дальнейшего развития истории отдельных языков как науки.

На основе всего имеющегося фактического материала необходимо поставить на очередь создание обобщающих трудов по истории русского языка и истории других языков народов Советского Союза. Историческое исследование развития языков в условиях существования народностей и наций должно получить крепкую опору в достижениях сравнительно-исторического языкознания.

3

Широкое развертывание научно-исследовательской работы в области сравнительно-исторического изучения языков неизбежно вытекает из самого существа марксистского языкознания, предусматривающего изучение языковых явлений не только в их синхронном состоянии, но также в процессе их исторического становления и развития.

Гармоничное сочетание исследований чисто описательного характера с исследованиями, посвященными изучению истории различных языков, при соблюдении необходимых пропорций между ними, является первейшим условием нормального развития языковедческой науки, предостерегающим ее от застоя и прозябания.

Современная компаративистика представляет высокоразвитую отрасль языковедческой науки. В ее активе — проверенный многолетний опыт и все время совершенствующиеся приемы изучения истории языков. В процессе поступательного развития сравнительно-исторического изучения семейств языков все время выдвигаются новые проблемы, касающиеся более углубленной и точной характеристики языка-основы, конкретных путей его распадения, характера связей языков, возникших в результате его распада, между собой и с языками иного происхождения. Привлечение новых этимологий, а также изучение текстов на вновь открытых индоевропейских языках позволили внести значительные коррективы в понимание структуры индоевропейского корня, характера ударения, типов основ и т. д. Поэтому успешное развитие сравнительно-исторического языкознания в настоящее время совершенно немыслимо без использования всего того положительного, что было создано языковедческой наукой прошлого, и без учета *всех* новейших достижений в этой области.

Советский Союз, на территории которого насчитываются десятки раз-

личных языков, представляет широкое поле деятельности для компаративиста. Казалось бы, богатейшие возможности изучения истории различных языков должны были бы способствовать бурному развитию компаративистики в нашей стране и широкому развертыванию сравнительно-исторических исследований. Однако в действительности пока еще наблюдается иное. Необходимо совершенно открыто и без всяких оговорок признать, что сравнительно-историческое изучение различных групп языков у нас находится в очень тяжелом состоянии. В прошлом русская лингвистическая наука выдвинула крупнейших компаративистов своего времени, таких, как Фортунатов, Шахматов, Богородицкий и др., в настоящее же время наша компаративистика почти совершенно оторвалась и изолировалась от общего русла поступательного движения этой отрасли науки за рубежом.

За период времени с 1950 г. по 1955 г. у нас не появилось ни одного нового исследования по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, которое значительно продвинуло бы вперед эту науку. Мало сделано за последние годы в области сравнительно-исторического изучения даже таких языков, как славянские. В 20-ые годы XX в. у нас велась большая работа по сравнительно-исторической грамматике славянских языков (труды Г. А. Ильинского, Д. В. Бубриха, М. Г. Долобко, Е. Ф. Карского, А. М. Селищева, Б. М. Ляпунова, Н. Н. Дурново и многих других исследователей). Эта работа была приостановлена в результате деятельности представителей «нового учения» о языке.

После лингвистической дискуссии 1950 г. были опубликованы две монографии по славянской акцентологии члена-корр. АН СССР Л. А. Булаховского и ряд статей его же и других авторов, но работа по сравнительно-историческому изучению славянских языков не развернулась еще достаточно широко. После выхода в свет обобщающих трудов члена-корр. АН СССР Я. М. Эндзелина по сравнительно-исторической грамматике балтийских языков не появилось новых работ в этой области, хотя литовскими диалектологами за последнее время собраны материалы, представляющие существенный интерес для балтийского языкоznания.

У нас отсутствует сравнительно-историческое изучение «тохарских» языков, несмотря на то, что наличие «тохарских» рукописей в советских музеях создает благоприятные условия для исследования этих языков. Количество специалистов по индийским языкам недостаточно. Совсем заглохло сравнительно-историческое изучение греческого языка; советские лингвисты еще не включились в работу по исследованию древнейших греческих текстов, открытых благодаря расшифровке крито-микенского линеарного письма В. Не развернулась и работа по самостоятельному изучению вновь открытых индоевропейских языков Малой Азии.

Неблагополучно обстоит дело и в области сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков. Отличительной особенностью нашего дореволюционного финно-угроведения является почти полное отсутствие работ в области сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков. Все работы по финно-угроведению, изданные в России до Великой Октябрьской революции, носили чисто описательный характер. В России, в отличие от таких стран, как Финляндия, Венгрия и др., никогда не было сильной школы финно-угроведов компаративистов. Поэтому навыки применения сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков у нас мало прививались. В послеоктябрьский период член-корр. АН СССР Д. В. Бубрих впервые положил начало русскому сравнительно-историческому финно-угорскому языкоznанию. Однако засилье марризма в советском языкоznании не давало возможности Д. В. Бубриху развернуть в полной мере эту деятельность. После смерти Д. В. Бубриха, если

не считать отдельных работ проф. В. И. Лыткина и проф. П. А. Аристэ, изучение истории финно-угорских языков, особенно восточных, почти прекратилось. Не ведется также широких исследований связей финно-угорских языков с самодийскими. Вопрос о генетических связях других языков народов Севера также не находится в центре внимания специалистов по этим языкам.

Сравнительно-историческое изучение тюркских и монгольских языков в нашей стране может опираться на значительные достижения наших тюркологов и монголистов. Сравнительное исследование тюркских языков, начатое В. В. Радловым, было продолжено Н. Ф. Катановым, Н. И. Ашмаринным, С. Е. Маловым, Н. К. Дмитриевым и другими нашими тюркологами. В развитии сравнительно-исторической грамматики монгольских языков эпоху составили труды акад. Б. Я. Владимицова. В Советском Союзе проделана огромная работа по изучению ранее мало известных или совсем неизвестных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и диалектов. Но результаты этой работы еще в совершенно недостаточной степени используются для создания систематических сравнительно-исторических грамматик этих групп языков и для решения вопросов родства алтайских языков посредством применения методов современной компаративистики. Как в ряде прежних работ по этим языкам, так и в некоторых более новых работах не используются приемы реконструкции, понятие сравнительно-исторического исследования родственных языков иногда смешивается с понятием сопоставления этих языков.

Недостаточная строгость метода характерна и для некоторых работ по так называемым «иберийско-кавказским» языкам. Советские кавказоведы обращают серьезное внимание на сравнительно-историческое изучение этих языков. Однако для установления звуковых соответствий, связывающих все иберийско-кавказские языки, пока нет достаточной базы, которую могут подготовить лишь дальнейшие интенсивные этимологические исследования. При установлении звуковых соответствий между отдельными группами иберийско-кавказских языков часто наблюдаются нарушения оправданных практикой основных правил установления языкового родства. К наиболее существенным недостаткам подобного рода исследований могут быть отнесены следующие:

1. При установлении соответствий выбирается отдельное слово, облик которого прослеживается в ряде языков. Для подтверждения того же соответствия другие слова параллельно не анализируются.

2. Корень слова обычно низводится до одного согласного.

3. Архетипы общекавказского языка-основы не реконструируются.

4. Для подкрепления мало убедительных соответствий нередко делаются ссылки на наличие типологических сходств между отдельными иберийско-кавказскими языками.

Нет ничего удивительного в том, что индоевропеисты, привыкшие к строгой методике сравнительно-исторических исследований, не могут признать эти первые опыты по установлению родства между отдельными иберийско-кавказскими языками достаточно убедительными.

В чем заключаются причины, приведшие к такому исключительно тяжелому положению в области сравнительно-исторического изучения различных групп языков? Основная причина — двадцатилетнее господство «швейцарского учения» о языке Н. Я. Марра, почти полностью ликвидированного развитием сравнительно-исторического языкоznания в Советском Союзе. Приемы и методы сравнительно-исторического изучения языков, проверенные многолетней практикой, были объявлены идеалистическими, антимарксистскими и устаревшими. Пренебрежительное отношение ко всему тому, что происходило за рубежом в области

сравнительно-исторического языкознания, как заведомо идеалистическому и порочному, фактически вело к глубокому отставанию этой отрасли лингвистической науки.

Между тем, несмотря на наличие в зарубежном языкознании целого ряда новых направлений, далеких от компаративизма (структурализм, неогумбольдтианство и т. д.), все же нельзя говорить о каком-либо застое этой науки. На протяжении последних 25—30 лет сравнительно-историческое языкознание за рубежом несомненно развивалось, происходило улучшение методики сравнительно-исторических исследований, выражавшееся в уточнении относительной хронологии реконструируемых фактов, в более глубоком изучении одинаковых тенденций развития родственных языков, в применении достижений лингвистической географии (ареальная лингвистика), в дальнейшем развитии теории субстрата, в стремлении осознавать факты языка определенного исторического периода как систему, в применении фонологических методов. Значительных успехов достигла за рубежом хеттология. В широком масштабе производятся этимологические исследования.

За время господства марризма необходимая подготовка языковедов-компаративистов в нашей стране фактически отсутствовала. Можно без всякого преувеличения сказать, что почти 95% языковедов, получивших подготовку в этот период, не имеет необходимых навыков сравнительно-исторического исследования языков. Особенно это относится к языковедам национальных республик. Почти во всех наших национальных республиках в настоящее время выполняются научно-исследовательские работы чисто описательного характера (составление словарей и грамматик). Изучение диалектов производится главным образом ради описания самих диалектов. Никаких выводов для истории языков из этого изучения чаще всего не делается. Развитию сравнительно-исторических исследований в значительной степени мешает также недостаточная подготовка аспирантов-языковедов, специализирующихся чаще всего по одному языку и не знающих в достаточной степени других языков, родственных языку их специальности.

Для ликвидации этого ненормального положения, с которым в настоящее время больше уже нельзя мириться, необходимо принять наиболее эффективные и действенные меры. Первостепенной задачей в ряду мероприятий по ликвидации отставания в области сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков следует считать критический анализ научного наследия русской науки в области компаративистики, а также критическую оценку новейших историко-фонетических, историко-морфологических и историко-лексикологических гипотез, появившихся в индоевропеистике за последние 25—30 лет, и выявление всех обоснованных элементов этих теорий, которые могли бы быть использованы для перестройки сравнительной грамматики индоевропейских и иных языков. Прошлый опыт с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что передко тенденциозная критика этих теорий, выражаясь в их огульном охаивании без достаточного проникновения в сущность дела, не только не способствовала дальнейшему развитию сравнительно-исторического индоевропейского языкознания в нашей стране, но и приводила к его отставанию.

Большие задачи стоят перед исследователями в области дальнейшего усовершенствования методики сравнительно-исторических исследований: разработка принципов сравнительно-исторического синтаксиса, улучшение методики этимологических исследований. Важное организующее значение могло бы иметь создание обобщающих трудов, посвященных истории образования и развития отдельных языковых групп. Необходимо также

направить внимание на сравнительно-историческое изучение тех языков, которые в истории нашего отечественного языкознания никогда не были объектами такого изучения, а также приступить к самостоятельной разработке материала вновь открытых или впервые исследованных в XX в. древнеписьменных языков, относимых к индоевропейской семье («тохарские», «хетто-лувийские»).

Критическая оценка научного наследия финно-угроведческой науки и всех новейших достижений в этой области также является одной из первостепенных задач нашего финно-угроведения. Однако здесь, пожалуй в гораздо большей степени, чем в области индоевропеистики, придется обратить внимание на оживление различных слабых участков работы, приступить к изучению истории отдельных групп финно-угорских языков с целью создания сравнительно-исторических грамматик по этим языкам. Чрезвычайно важным следует также считать создание обобщающего труда по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков. Успешное сравнительно-историческое изучение самодийских языков в значительной степени будет зависеть от создания базы для такого изучения, которую должно подготовить детальное исследование всех ныне существующих самодийских языков и их диалектов.

Важнейшими задачами в области сравнительно-исторического изучения тюркских языков следует считать обобщение данных, полученных в результате изучения диалектов различных тюркских языков, организацию этимологических исследований в самом широком масштабе с целью установления точных звуковых соответствий между отдельными тюркскими языками и создание действительно научной классификации тюркских языков.

В области сравнительно-исторического изучения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и алтайстики предстоит дальнейшая работа над созданием сравнительно-исторической грамматики монгольских языков с применением метода реконструкции, организация в широком масштабе этимологических исследований, составление общеалтайского этимологического словаря, а также выявление отношений корейского и тунгусо-маньчжурского языков к тюркским и монгольским языкам.

Сравнительно-историческое изучение иберийско-кавказских языков предполагает прежде всего создание необходимой базы для сравнительно-исторических исследований. Это означает, что должны быть изучены прежде всего языки, до сих пор не изученные. Как уже говорилось выше, успешное выявление звуковых соответствий немыслимо без организации широких этимологических исследований. Необходимо также приступить к созданию сравнительно-исторических грамматик тех групп иберийско-кавказских языков, которые в настоящее время можно считать более или менее изученными, например картвельских. Особую задачу составляет изучение родственных отношений древнеписьменных языков Передней Азии (шумерского, эламского и др.).

Так сложны и многообразны задачи, стоящие перед советским языкознанием в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков. Концентрация научных сил на исследовании основных лингвистических проблем явится действенным фактором быстрого подъема советского языкознания. Решение важнейших задач в области истории литературных и народно-разговорных языков разных стран мира, а также в области сравнительно-исторического изучения языковых семей и групп неразрывно связано с дальнейшим развитием и углублением марксистских основ языкознания.